

АЛЛА МАРЧЕНКО

Алла Марченко
ЕСЕНИН:
ПУТЬ *Роман-*
биография
И БЕСПУТЬЕ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНО
Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2)6
М30

Художник Андрей Рыбаков

В книге использованы фото из личного архива
Владимира Владимировича Кутузова, внука Сергея Есенина

Марченко, Алла Максимовна.

М30 Есенин: путь и беспутье / Алла Марченко. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 606, [2] с.

ISBN 978-5-17-093273-3

Если Пушкин — первая любовь читающей России, то Есенин — последняя ее любовь. Казалось бы, завидная судьба. Но недаром сам Есенин, сравнивая себя с Пушкиным, признался: «Счастье оказалось горьким». В изобилии биографических версий и противоречивых суждений читатель теряет — где искать правду? Как разглядеть настоящее лицо поэта?

Алла Марченко, автор книг «Лермонтов: под гибельной звездой» и «Ахматова: жизнь», лауреат премии «Большая книга», строит свою убедительную реконструкцию его трагического пути.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-17-093273-3

© Марченко А.М.
© ООО «Издательство АСТ»

Оглавление

Глава первая. В декабре в той стране <i>Уговор перед разговором</i>	11
Глава вторая. В одном селе... <i>Сентябрь 1895 – июль 1898</i>	68
Глава третья. Сыплет черемуха снегом... <i>1898–1904</i>	92
Глава четвертая. Кто я? Что я? <i>Август 1912 – март 1915</i>	118
Глава пятая. Пророчит радостную весть... <i>Март – сентябрь 1915</i>	153
Глава шестая. И не избегнуть бури... <i>Октябрь 1915 – июнь 1916</i>	194
Глава седьмая. Когда-то, у той вот калитки... <i>Июнь 1916 – январь 1917</i>	228
Глава восьмая. Время мое приспело... <i>Январь 1917 – апрель 1918</i>	246
Глава девятая. Что когда-то я звал дорогой... <i>Июль 1917 – апрель 1918</i>	276
Глава десятая. Так принимай же ты, Москва! <i>Апрель – октябрь 1918</i>	316
Глава одиннадцатая. Куда несет нас рок событий... <i>Август – декабрь 1918</i>	334

Глава двенадцатая. Собратьям моим кажется...	372
<i>Весна – декабрь 1919</i>	
Глава тринадцатая. ...Третий вылупляется глаз из пупа	398
<i>Декабрь 1919 – лето 1920</i>	
Глава четырнадцатая. А если это Колчак?	416
<i>Июль 1920 – декабрь 1921</i>	
Глава пятнадцатая. О вреде путешествий...	440
<i>Осень 1921 – август 1923</i>	
Глава шестнадцатая. Возвращение на родину	454
<i>Август 1923 – март 1924</i>	
Глава семнадцатая. Откол и пустыня	476
<i>Весна 1924 – май 1925</i>	
Глава восемнадцатая. Чтоб не дружить вовек с богемой...	497
<i>Осень 1924 – март 1925</i>	
Глава девятнадцатая. Молодая, с чувственным оскалом...	509
<i>Март 1925 – сентябрь 1925</i>	
Глава двадцатая. И ничья непонятна вина	529
<i>Осень 1920 – 7 декабря 1926</i>	
Глава двадцать первая	556
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?	
<i>23–25–28 декабря 1925</i>	
Глава двадцать вторая	575
Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть	
<i>Post Scriptum</i>	

*Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобою проехали
Через бурный положенный путь.*

*Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.*

«Я иду по деревне, каких много, где и сейчас живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями, и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, еще и сегодня он обжигает мне щеки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске Хворостовского леса можно было так загадочно сказать: “На бору со звонами плачут глухари...” и об этих луговых петлях Оки: “Скирды солнца в водах лонных”? Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько материала для красоты — у печи, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячи лет топчут и не замечают?..»

Александр Солженицын

В декабре в той стране

Уговор перед разговором

Убили или наложил на себя руки? Без этого вопроса и по сей день не обходится ни один из разговоров о Есенине, где бы таковой ни возникал. В редакциях — самых что ни на есть либеральных. По юбилейным дням в массовых библиотеках. Даже в дружеском и семейном кругу. Пресловутый телесериал с душкой Безруковым в роли поэта подплеснул керосинчика в неугасающий костерок. Но основным источником энергии возбуждения — и раздражения, и томления духа — является все-таки Интернет, превращенный обилием нестыкующихся версий в непроходимые дебри. В виртуальной «корзинке» собраны-скучены все мыслимые варианты насильственной смерти поэта, вплоть до самых невероятных. Подсыпали сонного порошка, придушили подушкой, размозжили голову канделябром, выстрелили в глаз, а потом повесили — то ли уже бездыханного, то ли еще живого. Исполнители: агенты ОГПУ; заказчики: Троцкий, Бухарин и т.д.

Я, естественно, не молчала. Однако ж в письменных работах скользкую эту топь по возможности обхо-

дила. Авось образуется... Не образовалось. Наоборот. Плутая по лабиринтам Интернета, все чаще и чаще вспоминала давнее четверостишие Вознесенского:

*Поглядите в глаза дочерние –
 Что за джунглевые в них чаяния?
 В век всеобщего обучения
 Частный рост одичания.*
 «Табуны одичания»

За миновавшие десятилетия *обучение* в России перестало быть *всеобщим*, *рост одичания* – *частным*, а *джунглевые чаяния* вот-вот превратятся в настоящие джунгли. Особенно дремучим и мрачным выглядит участок, приватизированный *патриотами*. Захваченная ими территория спланирована до того изобретательно, что куда бы ты ни свернул, непременно окажешься свидетелем убийства Поэта. Зверского. Страшного.

Казалось бы, яснее ясного: *предназначенной Встречи* с Есениным в этой стилизованной *Есении* ничто *не обещает*. И тем не менее она значится на литературной карте и народная тропа к воротам ее не зарастает. И я совсем не уверена, что смогу отвернуть протоптанный паломниками путь от мертвого места, направив и плакальщиков, и мстителей в другую сторону, туда, где все связанное с Есениным, *как будто выключенное из общего закона умирания и забвения, продолжает жить*.

Не уверена, а все-таки попытаюсь...

**Если тронешь страсти в человеке,
 То, конечно, правды не найдешь...**

Считается, что первым на заре перестройки, кто осмелился публично заявить о *преступлении века*, был Ва-

сильий Белов, автор хрестоматийных «Плотницких рассказов» и «Привычного дела». На самом деле слух о том, что Есенина убили, объявился гораздо раньше. Я, к примеру, узнала о нем весной 1977-го от английской славистки Джесси Дэвис. Подписывая мне только что вышедшую в Англии книгу Гордона Маквея о Есенине*, она спросила: правда ли, что в России существуют люди, утверждающие, что поэта убили. Об этом, мол, говорил ей Маквей.

Я попробовала предположить, что нелепая версия — в свойстве с новым его статусом. К середине семидесятых Есенин перестал быть всего лишь Поэтом. С тяжелой руки Станислава Куняева («Добро должно быть с кулаками») и стоящей за ним «русской партии» Есенина торжественно возвели в новый чин — персонафицированную национальную идею, в результате чего он и оказался в пантеоне неприкасаемых. Не только на английских его костюмах, даже на полумаскарадной крылатке и «пушкинском» цилиндре не должно было быть ни пылинки. Такой Есенин не имел права наложить на себя руки. Дабы оконкретить это предположение, я показала английской гостье текст, который как раз той весной изъяли из моих переводов лирики великого армянского поэта Амо Сагияна «Зови, журавль». Стихотворение исчезло из наборного экземпляра только потому, что в нем были такие строки:

*Блажен ты был, Есенин Сергей!
Сколько лет ты не был в деревне своей?
Сколько лет не ступала твоя нога
На порог родимого очага?
Времена изменились.*

* McVay Gordon. Esenin. Life. Ann Arbor, 1976.

Уж очень они изменились в лице.
 И вот ты стоишь на своем крыльце –
 Стареньком, низком –
 Чужестранец в костюме английском.
 Не узнают тебя земляки.
 Встречают – не подают руки,
 И ни одной возвращенной тобой
 Строки голубой
 Слышать не слышали,
 Читать не читали...
 Кто ты для них? Чужой.
 Чужой на земле, родившей тебя,
 Чужой на земле, распявшей тебя,
 Есенин Сергей,
 Любовью своей.

«Сергею Есенину»*

Миссис Дэвис вежливо выслушала мои аргументы, и они ее не убедили. Роману, который она задумала (о любви русского поэта и Айседоры Дункан – *Isadora Duncan's Russian Husband*), нужны были острые положения. На следующий год по дороге в Москву она задержалась в Париже в надежде выведать у тамошних славистов *страшную правду*. Отыскала и есенинского «оруженосца», поэта-имажиниста Александра Кусикова, и даже привезла его фото, сделанное на прогулке, кажется, в Булонском лесу. Но Кусиков, как и прочие эмигранты первой волны, слух об убийстве даже опро-

* Сборник вышел осенью того же года и не где-нибудь, а в «Советском писателе», там же, где пятью годами ранее прорвался через тройную цензуру мой «Поэтический мир Есенина». Прорывался долго, почти семь лет, препон было множество, самых замысловатых и коварных, но все они были иного рода.

вергать отказался, назвав его вздорным. А вот мне и со второй попытки это не удалось, хотя на сей раз я не теоретизировала, а, мобилизовав все свое терпение, доказывала: если бы в двадцатые годы хоть кто-нибудь усомнился в том, что Есенин повесился, а не «найден повешенным», мне бы на это хотя бы намекнул Илья Ильич Шнейдер, коммерческий директор московской школы Айседоры Дункан.

На Шнейдера и его книжечку, фактически брошюрку («Мои встречи с Есениным», 1965), ныне ссылаются почти все биографы поэта, а история ее такова. То ли в конце 1963-го, то ли в самом начале 1964-го (в то время я работала в «Вопросах литературы», участвовала и в комментировании голубого есенинского пятитомника) К.Л.Зелинский, куратор издания, представив Шнейдера, попросил меня отредактировать его воспоминания. Рукопись, донельзя хаотичная, оказалась невероятного объема. Извиняясь за качество врученной *зруды*, И.И.Ш. признался, что писал воспоминания по ночам, в уме, в камере. Сочинив *кусок*, потом целый день его повторял, пока текст намертво не закреплялся в памяти. Освободившись, на воле перестукал на машинке и уже ничего ни поправить, ни изменить не мог.

Словом, работа предстояла «адова», и я бы за нее вряд ли взялась, если бы к просьбе Зелинского не присоединился замглавного нашего журнала Семен Александрович Ляндрес. До ареста, тюрьмы и каторги он был как-то связан с семьей Мейерхольда и даже, кажется, помогал дочери Есенина Татьяне Сергеевне прятать архив матери и отчима. Вернувшись, возобновил знакомство. Со Шнейдером Ляндрес тоже был слегка знаком, то ли еще в ту пору, когда работал в бухаринских «Известиях», то ли их жизненные пути пересеклись позднее, в каком-то пункте Архипе-